

Рекрутская повинность и обращение евреев в христианство при Николае I

Автор: А. Е. Локшин

Локишин Александр Ефимович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Правление Николая I (1825 - 1855) в исторической памяти еврейского народа запечатлелось как "эпоха гзейрос" - "время несправедливых указов и гонений". "Это царствование, - как замечал мемуарист А. С. Кацнельсон, - оставило по себе глубокий и печальный след в жизни русского еврейства"¹. Действительно, из более чем 600 законодательных актов, изданных с 1649 по 1881 гг., касавшихся евреев и большинство из которых носили дискриминационный характер, не менее половины были приняты в те годы.

Одним из самых драматических моментов в истории евреев Российской империи стало введение для них рекрутской повинности в 1827 году². Армия являлась в ту эпоху фактически разновидностью пенитенциарных учреждений. Николай I распространил рекрутчину и на те группы населения, которые прежде были освобождены от нее, как украинское казачество, жители Царства Польского, разорившееся дворянство западных губерний, военные поселенцы, и даже на часть духовенства.

Эта тема в середине XIX - начале XX в. и, хотя и в меньшей степени, в первое десятилетие после Октябрьской революции привлекала внимание историков³, а за последние десятилетия - зарубежных авторов. Вопросу о крещении евреев в политике церковных и светских властей николаевской России отведено значительное место трудах эмигрантского историка С. Гинзбурга⁴, американских исследователей М. Станиславского и Й. Петровского-Штерна⁵. В трудах последних происходит пересмотр устоявшихся взглядов в историографии, отказ от "слезливой концепции" русско-еврейской истории и "этноцентрического подхода, основанного на национальных предрассудках".

Указ о введении рекрутчины для евреев последовал через несколько десятилетий после того, как они стали подданными русского самодержца. Эта, по сути, первая встреча еврейского населения с имперской Россией оказалось болезненной и драматичной, вызвала чувство страха и недоверия как к царской власти, так и к "своему" общинному (кагальному) руководству. Вместе с тем реакция на этот вызов в целом показала жизненную силу и способность еврейской религиозной традиции по возможности адекватно противостоять ему.

стр. 77

Уже в самом начале царствования один из чинов Третьего отделения составил записку о небывалых миссионерских возможностях, открывающихся благодаря армейской жизни и военной дисциплине, и рекомендовал призывать на военную службу молодых евреев, считая их менее приверженными своей вере, чем взрослые соплеменники; квоту набора для малолетних евреев он предлагал удвоить⁶.

Весть о готовящемся введении натуральной воинской повинности быстро распространилась и вызвала среди евреев сильнейшее беспокойство. Армия должна была лишить еврея его

религиозной традиции, привычного окружения, общинной среды и поместить в другой мир, угрожающий сломать весь образ жизни и отнять веру. Причем нормы рекрутского набора для евреев были установлены втрое выше, чем для других народов империи. Указ 1827 г. разрешал забирать евреев в рекруты с 12 лет и направлять их в школы кантонистов. Но подавляющее большинство еврейских детей не имело документов о рождении, и в армию - в кантонисты - нередко забирали детей восьми-девяти лет.

Кантонистские школы существовали со времен Петра I. Туда направляли солдатских детей. С 1830-х годов в кантонисты забирали также детей участников польского восстания. Но термин "кантонисты" прочно закрепился именно за еврейским контингентом.

Николай I был убежден в том, что в его империи без участия армии не может быть решена ни одна серьезная проблема, в том числе и так наз. еврейский вопрос.

Текст воинской присяги, специально составленный для евреев-новобранцев, вступающих в совершеннолетие, гласил: "Именем Адоная, живого, всемогущаго и вечнаго бога Израиля, клянусь, что желаю и буду служить русскому царю и Российскому государству, куда и как назначено мне будет во все время службы, с полным повиновением военному начальству, так же верно, как был бы обязан служить для защиты законов земли израильской... Но, если по слабости своей или по чьему внушению нарушу даваемую мной на верность военной службы присягу, то да падет проклятие вечное на мою душу и да постигнет вместе со мною все мое семейство. Аминь"⁷.

Присягу полагалось произносить на древнееврейском языке, однако ее читали в переводе на идиш, а русским чиновникам предоставлялась кириллическая транслитерация обоих вариантов. Клятву принимал раввинский суд в присутствии свидетелей из еврейской общины и местной администрации. Рекрут должен был стоять перед "ковчегом завета", одетый в молитвенное покрывало с филактериями - кожаными коробочками с отрывками из текстов Священного писания; их накладывали на левую руку и на лоб во время богослужения, клятва произносилась при развернутом свитке Торы. После этой церемонии полагалось несколько раз протрубить в шофар⁸ - бараний рог, в который в библейские времена трубили для созыва войска; он и по сей день используется в ходе молитв в осенние иудейские праздники.

Согласно общевойсковому уставу, во время прохождения военной службы евреям предоставлялась абсолютная свобода вероисповедания. Им разрешалось проводить собственные службы и молиться в устроенных синагогах. Раввины должны были назначаться на должности капелланов, их содержание брало на себя правительство. Офицерам было предписано следить за тем, чтобы их подопечные-евреи не подвергались оскорблениям и насмешкам из-за соблюдения своих обрядов⁹.

На деле военное законодательство в этом отношении нарушалось самым вопиющим образом. Уже в первые годы после введения новой рекрутской системы миссионерские замыслы правительства дали о себе знать и в скры-

тых и в явных формах. В июле 1829 г. Николай I приказал командирам отделить тех рекрутов-евреев, которые пожелают перейти в православную веру, от тех, кто остался верен иудаизму¹⁰. В то же время был разослан секретный циркуляр, разрешавший полковым священникам идти в обход обычной процедуры и крестить евреев без предварительного разрешения архиепископов

".

В первые пятнадцать лет после Указа 1827 г. подобные крещения происходили регулярно. Например, из 1304 евреев, служивших в Саратовских батальонах кантонистов в эти годы, 687 были обращены в православие; 101 из 301 еврейских мальчиков в Верхне-Вралихских батальонах были крещены в 1836 - 1842 годах. Только за 1842 - 1843 гг. 2264 иудеев-солдат и кантонистов были обращены в православие¹².

Царь потребовал, чтобы с января 1843 г. ему представляли ежемесячный доклад о количестве крещенных евреев в армии, и лично оценивал результаты. В апреле на представленном ему докладе он начертал: "Очень мало"; в июне: "Весьма неуспешно". В июле, узнав, что было крещено лишь 25 евреев, он сообщил обер-прокурору Синода, что "недоволен малым успехом обращения в православие" евреев-кантонистов и солдат, и потребовал, что на этот факт было обращено внимание ответственных духовных лиц. Военный министр уведомил обер-прокурора, что, согласно воле императора, число православных священнослужителей в батальонах кантонистов должно быть увеличено, а все полковые священники должны получить подробные наставления по обращению евреев в христианство¹³.

Призыв евреев в армию был связан не с военными обстоятельствами, а рассматривался как наиболее эффективный путь их "просвещения" и "преобразования" через крещение. О чисто формальном декларировании свободы вероисповедания, в частности, свидетельствует одно из дополнений к указу, которым предписывалось расквартировывать рекрутов-евреев лишь в христианских домах и запрещалось им иметь какие-либо контакты с местным еврейским населением¹⁴.

Наращивание миссионерской деятельности было поручено главному священнику армии и флота Василию Кутневичу, который в октябре 1843 г. подготовил инструкции на сей счет. В этом обширном документе священнослужителям рекомендовалось использовать более тонкий психологический подход, который, по убеждению Кутневича, должен был дать лучшие результаты. К каждому еврею, которого в большей или меньшей степени отличала приверженность к вере отцов, следовало найти индивидуальный подход, дабы наикратчайшим путем привести его к крестильной купели. В любом случае, заключал Кутневич, обращение в христианскую веру должно проводиться с должным уважением и благородством, без применения силы¹⁵. Эта последняя рекомендация, отвечавшая формальным требованиям, почти не применялась на практике. Более того практика принуждения становилась повсеместной по мере того, как личная заинтересованность императора в успехе крещения евреев становилась все более очевидной.

Данные мемуарной литературы, а также архивного исследования Гинзбурга позволяют обобщить основные "стимулы", применявшиеся в целях убеждения евреев в превосходстве христианской веры. Следуя указаниям Кутневича, полковые священники проводили частные беседы с каждым рекрутом-евреем, во время которых они читали ему специальную миссионерскую литературу, предоставленную Синодом. Военные священники часто жаловались на то, что евреи лучше них разбираются в священном писании, и просили дополнительной помощи у вышестоящих наставников¹⁶.

С первых часов пребывания в казармах солдаты-евреи, особенно кантонисты, подвергались постоянному давлению с целью обращения. В наруше-

ние устава, все столь привычные символы их прежней жизни - филактерии, молитвенники и молитвенные покрывала у них отбирали. Им запрещалось говорить на родном языке. Каждый представитель власти, с которым им доводилось сталкиваться, не упускал случая упомянуть о крещении. Даже наказание предвлялось обещанием помилования, если еврей согласится креститься. Запрещалось встречаться с родственниками и с другими евреями на территории воинской части. Писать письма родным позволялось только на русском языке; зачастую не отдавали письма из дома, написанные по-еврейски. Единственное мясо, которым их кормили, была свинина, а большая часть пищи готовилась на свином сале. Еврейские молитвенные собрания были разрешены только взрослым солдатам; кантонистам же запрещалось проводить собственные службы, как и молиться вместе со старшими соплеменниками¹⁷.

Вряд ли можно согласиться с мнением Петровского-Штерна, утверждающего, что "черная легенда, оплакивающая судьбу еврейских детей, отданных в солдаты, не выдерживает проверки историческими документами" и что воспоминания кантонистов написаны по одному шаблону и традиции¹⁸. Несмотря на то, что мемуары кантонистов могут содержать неточности в освещении давно прошедших событий, тем не менее они совпадают в изложении основных фактов и рисуют одну и ту же картину.

Когда в 1860-х годах у крещенных солдат появилась возможность через суд вернуться в иудаизм, то в письменных свидетельствах, данных под присягой, они описывали различные издевательства и даже пытки, которые им пришлось перенести. Евсей Гройкоп вспоминал, что согласился креститься лишь после того, как его избили, а потом заставили ходить босиком по раскаленным углям. Дмитрию Кауфману загоняли иголки под ногти и по нескольку дней держали без еды. Лазаря Голина офицеры избивали, а потом отказывали ему в медицинской помощи до тех пор, пока он не согласился креститься¹⁹.

Поскольку несовершеннолетних среди рекрутов было немало, а родители ни за что не желали отдавать своих детей в команды кантонистов, кагалы нанимали специальных людей, чтобы разыскивать и красть подходящих кандидатов в рекруты. Такие группы, получившие название хаперов (на идиш *khapn* - хватать, ловить), или ловчиков. Они вскоре стали обычным явлением на территории всей черты оседлости. Их презирали и ненавидели. Розыск беглых солдат и похищение маленьких детей приносили им немалый доход: помимо вознаграждения от правительства и жалования от кагала, хаперы часто освобождали украденных детей за выкуп и заменяли их другими.

Деятельность кагальной верхушки, насилия и издевательства хаперов усилили уже имевшийся раскол в еврейском обществе, связанный с возникновением и распространением хасидизма и противодействием этому течению со стороны его противников - сторонников раввинистического иудаизма. И те и другие постоянно обращались с доносами и жалобами к губернской администрации, писали на имя императора, обвиняя друг друга в нелояльности к власти.

Традиционное еврейское общество воспринимало гонения властей через библейские реминисценции²⁰. Сам термин "*гзера*" (древнеевр.: указ о гонении) иудейская традиция относилась еще к режиму селевкидского правителя Антиоха IV Эпифана (II в. до н.э.); встречается он и в еврейской хронистике в Средние века и ранее Новое время. Во времена Николая I это понятие использовала еврейская община.

Состояние шока, в котором пребывали евреи, описано у писателя Буки бен-Иогли (Йехуда Лейб Каценельсон) вспоминавшего об отношении его бабушки к хаперам. Поначалу она

стимляне или амалекитяне; однако вскоре она в этом разобралась и сказала внуку: "Нет, дитя мое, к нашему несчастью, все хаперы были евреями, с бородами и пейсами. И в этом наша главная беда. Мы, евреи, привыкли к нападкам, наветам и безбожным указам неевреев - все это длится с незапамятных времен, и такова наша участь в Изгнании. В прежние времена были христиане, которые держали в одной руке крест, а в другой нож и говорили: "Еврей, поцелуй крест или умри", и евреи предпочитали смерть отступничеству. А теперь приходят евреи, соблюдающие веру, которые крадут детей и посылают их в армию, чтобы они сделались отступниками. Такого наказания не было даже в Торе, в списке самых ужасных проклятий. Евреи проливают кровь своих собратьев, а Всевышний молчит, и молчат раввины"²¹.

Насильственные методы крещения привели к желаемому результату. С 1845 по 1855 гг. крещение солдат-евреев и кантонистов стало настолько распространенным явлением, что не хватало купелей и крестных. Саратовский батальон кантонистов удостоился особой похвалы царя за массовое крещение евреев: в июле 1845 г. на докладе, сообщавшем о крещении 130 евреев в этом батальоне, Николай I начертал: "Слава Богу!" В 1853 г. местный архиепископ сообщил, что "Была Божья Воля дабы 134 еврея-кантониста приняли православие в Троицу, и в этот день Христианская Церковь с немалым усердием крестила всех их в Волге"²². 21 октября 1854 г. в Волге были крещены 223 еврейских мальчика²³.

Виктор Никитин (1839 - 1908) - русский писатель и историк, который в девять лет был сам взят в кантонисты, где его крестили и дали русское имя (еврейское имя и фамилия его неизвестны) писал: "Как перевалили русские губернии, так начальник партии кантонистов начал нас готовить к переходу в православие - запрещение молиться, надевать тфиллин (то же что филактерии. - *А. Л.*), цицес (часть ритуального одеяния. - *А. Л.*); то и другое рвал, сжигал, издеваясь над нашими верованиями".

Еврейские общины вскоре оказались не в состоянии давать требуемое количество рекрутов, и за ними числились большие недоимки. В 1850 г. вышел указ брать за недоимки малолетних без зачета. Еврейских детей стали забирать в армию в массовом порядке. Известный мемуарист Ехезкел Котик вспоминал: "Перед службой матери всячески убеждали своих детей, чтобы те не крестились, и давали с собой каждому кантонисту пару маленьких тфиллин. В сердце у каждого из них оставался маленький наказ вместе с материнскими слезами, и они ни в коем случае не хотели изменять еврейской вере"²⁴.

В народной памяти сохранялись истории, свидетельствующие о сопротивлении, которое встречала миссионерская деятельность и усилия сотрудничавшей с властью общинной верхушки. Они не поддаются проверке имеющимися в распоряжении исследователей документами и, скорее, имеют мифологизированный характер. Тем не менее их фиксация народной исторической памятью показательна. В одном предании рассказывается, как однажды около Казани собрались в один день окрестить несколько сот еврейских мальчиков-кантонистов. Местное начальство и духовенство в полном облачении расположилось на берегу Волги. Стройными рядами стояли дети. Наконец, подъехал Николай I и приказал детям войти в воду. "Слушаем, ваше императорское величество!", - воскликнули они и дружно прыгнули в реку. Но ни один из них не вынырнул на поверхность. Вместо крещения, они заранее договорились покончить с собой, умереть ради истинной веры - они совершили "*ал кидуш ха-Шем*" - освятили Имя Его", как делали в древности и средневековье в эпоху гонений в разных

странах их единоверцы, принимая мученическую смерть во имя своей веры²⁵.

стр. 81

Рекруты, призванные в армию с 18 лет и старше, еще могли постоять за себя и свою веру. Детям же было значительно труднее: их постоянно принуждали к переходу в православие, а упорствующие подвергались истязаниям²⁶. Самый тяжелый период пришелся на конец николаевского царствования. Писатель и публицист М. Моргулис писал, что "в то блаженное время комплектование армии кантонистов для каждого еврея считалось самой мучительной пыткой. Дядя мой, наверное, наложил бы на себя руки, если бы пришлось ему сделаться тогда солдатом, несмотря на всю его благочестивость и на религиозные представления о самоубийстве как величайшем грехе"²⁷.

"Мне рассказывал крещенный кантонист, - вспоминал Котик, - как в Саратове обратили в христианство за один раз шестерых кантонистов из тридцати. Это случилось так. После того как никакая порка не помогла, полковнику пришла в голову новая идея, как заставить кантонистов креститься. Отвели тридцать кантонистов в баню и начали поддавать все больше и больше пару, пока не стало совсем невыносимо. Шестеро не выдержали и крестились, остальные сомлели. Когда попытались привести их в чувство, трое оказались мертвыми. Мой кантонист очень сердился на Бога; по его мнению, не может быть никакого Бога, если он способен видеть такие страдания и боль. А если он все-таки есть, то это бог зла"²⁸.

Целенаправленные действия военных и церковных властей принесли свои плоды. "Согласно опубликованным данным о наборе рекрутов на всей территории империи, - отмечает Станиславский, - примерно 70 тыс. евреев призвано в России с 1827 по 1854 г., и примерно 50 тыс. из них были несовершеннолетними"²⁹. При крещении им давали имена крестных отцов, часто также и их фамилии. В результате Есель Левиков становился Василием Федоровым, Мовша Пейсахович - Григорием Павловым, Израиль Петровицкий - Николаем Ивановым и т.д.". Когда просматриваешь эти бесконечные перечни, - констатировал Гинзбург, - невольно является мысль: сколько еврейской крови влито было в русский народ и как много среди нынешних Ивановых, Петровых, Степановых... имеется потомков еврейских детей, которые когда-то были насильственно крещены!"³⁰.

Уверенность благочестивых евреев в том, что указ о рекрутском наборе является божьей карой, подкреплялась совпадением времени обнародования указа с началом специальных молитв *слихот* - ежегодных дней покаяния. Проповедники нашли древние тексты, которые наводили на мысль, что указ будет отменен, если евреи покаются. И днем и ночью синагоги были полны молящихся, увеличились пожертвования на благотворительность. Существовала надежда на то, что, как сказано в литургических текстах, "покаяние, молитва и благотворительность способны отменить суровый приговор". В то время как руководители общин созывали собрания, чтобы обсудить трудную ситуацию, сотни людей стекались на кладбища и просили души своих покойных родителей о заступничестве. В одном городке народный проповедник на глазах у притихшей толпы вложил в руки покойника письмо к Всевышнему в надежде на то, что это убедит его заставить царя передумать³¹. Когда евреям не удавалось избежать рекрутского набора, они защищались с помощью традиционных способов сопротивления внешней угрозе - сплоченностью и укреплением веры. В правление Николая I число учащихся в традиционных еврейских школах, хедерах и иешивах, значительно возросло. Родители надеялись, что их детям лучше удастся противостоять крещению, чем если они будут забраны в рекруты без надлежащего знания законов иудаизма. Рассчитывали также на то, что руководители кагала не будут записывать в рекруты юношей, прилежно изучающих Талмуд³². Для того чтобы привлечь внимание общины к недопустимому поведению ее руководства и

лично предъявить обвинения, некоторые евреи использовали икув ха-криа, то есть срывали службу в синагоге. Действенность этого метода заключалась в шокирующем впечатлении, которое производил срыв священной службы с целью заявить о вопиющих нарушениях.

Известно описание подобной тщетной попытки протеста, которое представляет своеобразный интерес, поскольку в этом описании перефразирован один из центральных мотивов еврейского фольклора. В Минске бедная вдова, чей сын был похищен хаперами, явилась в синагогу и закричала, что не даст начать богослужение, пока не будут приняты меры к спасению сына. Осознав, что ей никто из кагалных заправил не поможет, вдова подбежала к кивоту и воскликнула: "Владыка мира! Ты гордишься праотцом Авраамом, который согласился принести в жертву своего Исаака. Прикажи мне зарезать моего единственного сына - и я это исполню. Но Ты едва ли мог бы добиться согласия Авраама отдать его сына для крещения!"³³.

Известны и более действенные способы сопротивления. Впрочем, они мало отличались от применяемых и христианами: членовредительство (отрезали указательный палец)³⁴, укрывательство и даже "буйства", нападения на конвой рекрутов, чтобы освободить своих детей³⁵.

Заслуживает внимания также вопрос о том, какова была реакция раввинов. Молчали ли раввины, как о том писал Буки бен-Иогли? Так же и Станиславский полагает, что "подавляющее большинство раввинов воздерживалось от публичных высказываний или действий, которые свидетельствовали бы об их несогласии с государственной политикой". Это прежде всего касалось указа о рекрутской повинности и его исполнения. Известен лишь один случай отказа раввина от должности в знак протеста против несправедливого отбора рекрутов. В г. Сморгони раввин Менаше Илиер, как писал его внук, в 1828 г. отказался от своей должности, когда местный кагал потребовал его согласия на деятельность хаперов³⁶. Несколько раввинов также выразили протест против действий властей. Среди них были Яков Берлин, отец Нафтали Цви Берлина, позднее главы самого значительного иудейского учебного заведения в Восточной Европе - Воложинской иешивы, и Исраэль Салантер - в дальнейшем основатель нового движения *мусар*, уделявший основное внимание моралистическому началу в иудаизме.

Известны и выступления раввина-проповедника Илии бен Вениамина Шика. Встретившись в Гродно с одним из богачей и влиятельным лицом г. Волковыска, где отдавали рекрутов не только за очередной, но и за следующий годы, Шик потребовал от него, чтобы злоупотребления и ловля детей были немедленно прекращены, а когда тот ответил отказом, раввин дал ему две пощечины. Заправила, пользуясь своими связями, пожаловался губернатору, и раввина посадили в тюрьму. Популярность раввина и ропот населения заставили, однако, главу волковысской общины в дальнейшем хлопотать об освобождении своего оскорбителя³⁷.

Показательно, что, несмотря на безучастную позицию большинства раввинов, продолжалось основание новых иешив, приток в них новых учащихся нарастал, что свидетельствует об укреплении в ту пору влияния еврейской религиозной традиции.

Представление Петровского-Штерна о том, что царская армия "наиболее последовательно

воплотила в жизнь идею сближения (слияния) евреев и русского общества"³⁸, вызывает сомнения и не опирается на убедительные свидетельства. Если, конечно, рассматривать политику имперского правительства, направленную на такое "сближение-слияние", реально, как ассимиляцию, поглощение евреев в русском обществе. Его утверждение в корне неверно, когда речь идет о службе евреев в армии николаевского времени.

стр. 83

Институт кантонистов был ликвидирован указом Александра II в 1856 г., рекрутчина полностью отменена в 1874 г., когда комплектование российской армии было окончательно переведено на призывную систему.

В изменившейся атмосфере царствования Александра II небольшому числу насильственно крещенных удалось возвратиться к вере отцов. Кантонист Илья Ицкович, схваченный в семилетнем возрасте хаперами и сданный в кантонисты, насильственно был обращен в православие. Отслужив 20 лет в Сибири, он обратился к томскому воинскому начальнику с запиской, в которой описал обстоятельства его крещения. В ней он заявил, что не желает обманывать кого-либо и в церковь больше ходить не будет, и просил либо предать его суду "за отпадение от православия", либо позволить возвратить отнятую у него веру и имя. Не без труда ему все же удалось вернуться к иудаизму; на склоне лет бывший кантонист, носивший в разное время несколько христианских имен (Сергеев, Архипов, Бейлин) был преисполнен гордости оттого, что сумел возвратить себе свое исконное имя Илья-Лейба Ицкович³⁹.

Рассказы о трагической судьбе кантонистов и рекрутов сохранилась в исторической памяти нескольких поколений русских евреев. Автор знаком с русскими семьями, которые и сегодня помнят о своем предке, вышедшем из кантонистов.

Примечания

1. КАЦНЕЛЬСОН А. Рассказ моей бабушки. - Еврейская старина (ЕС), 1910, вып. 4, с. 607.
2. Устав рекрутской повинности и военной службы для евреев. В кн.: ЛЕВАНДА В. О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев. СПб. 1874. О некоторых попытках еврейства противостоять введению рекрутской повинности см.: Архив еврейской истории. Т. 3. М. 2006, с. 233 - 250.
3. НИКИТИН В. Н. Век прожить - не поле перейти. - Еврейская библиотека, 1873, N 3; ЕГО ЖЕ. Многострадальные: Очерки быта кантонистов. - Отечественные записки, 1871, N 8; РАБИНОВИЧ О. Штрафной. - Русский вестник, 1859, кн. 1; БЕЙЛИН С. Воспоминания о последних годах рекрутчины. - ЕС, 1909, вып. 2; 1914, вып. 3 - 4; ИЦКОВИЧ И. Воспоминания архангельского кантониста. - Там же, 1912, вып. 1; МЕРИМЗОН М. Рассказ старого солдата. - Там же, NN 3, 4; 1913, NN 6, 11; ШПИГЕЛЬ М. Из записок кантониста. - Там же, 1911, N1; КОТИК. Е. Мои воспоминания. СПб. -М. -Иерусалим. 2009; ГЕССЕН Ю. История еврейского народа. Тт. 1 - 2. Л. 1925 - 1926; ГИНЗБУРГ С. Мученики-дети (из истории кантонистов-евреев). - ЕС, 1930, N 13; ДУБНОВ С. Как введена была рекрутская повинность для евреев в 1827 г. - Там же, 1909, N 2; ЕГО ЖЕ. Новейшая история еврейского народа. Эпоха реакции (1815 - 1848) и второй эмансипации (1848- 1880). Иерусалим-М. 2002; КОРОБКОВ Х. Еврейская рекрутчина в царствование Николая I. - ЕС, N 6; СТАНИСЛАВСКИЙ С. К истории кантонистов. - Там же, 1909, N 4, с. 266 - 268; и др. Перечень литературы по этой теме см.: HUNDERT G., BACON G. The Jews in Poland and Russia. Bibliography essays. Bloomington.

1984; КЕЛЬНЕР В., ЭЛЬЯШЕВИЧ Д. Литература о евреях на русском языке. 1890 - 1947. СПб. 1995.

4. GINZBURG Sh. Historishe verk. Тт. 1 - 3. Нью-Йорк. 1934 - 1937.

5. STANISLAWSKI M. Tsar Nicholas I and the Jews. The transformation of Jewish society in Russia. Philadelphia. 1983; ПЕТРОВСКИЙ-ШТЕРН Й. Евреи в русской армии. 1827 - 1914. М. 2003, с. 15.

6. GINZBURG Sh. Op. cit. В. 2, Z. 78.

7. Устав рекрутской повинности и военной службы для евреев. Приложение Д.

8. Там же. Дополнительные указания. Ч. 2, с. 19 - 42.

9. Там же. Дополнительные указания для военных чиновников. NN 91 - 95.

10. ПСЗ-2. Т. 4, N 3052; ЛЕВАНДА В. О. Ук. соч., N 193.

11. GINZBURG Sh. Historishe verk. В. 3, Z. 62.

12. STANISLAWSKI M. Op. cit., p. 22.

13. GINZBURG Sh. Op. cit. В. 3, Z. 68 - 69, 65 - 66.

14. Указ 1827 г., дополнительные указания для военных чиновников, NN 1 - 14.

15. GINZBURG Sh. Op. cit. В. 3, Z. 357 - 369.

стр. 84

16. Ibid., Z. 89.

17. МЕРИМЗОН М. Ук. соч.; ИЦКОВИЧ И. Ук. соч.; ШПИГЕЛЬ М. Ук. соч.

18. ПЕТРОВСКИЙ-ШТЕРН Й. Ук. соч., с. 169 и др.

19. GINZBURG Sh. Op. cit., Z. 95 - 99.

20. О традиционном еврейском мировосприятии см.: ИЕРУШАЛМИ Й. Захор. Еврейская история и еврейская память. Иерусалим-М. 2004.

21. См. его воспоминания: Ma she rau einai ve shamu oznai (Что видели мои глаза и слышали мои уши). Иерусалим. 1947, р. 14.

22. GINZBURG Sh. Op. cit., Z. 68.
23. Ibid., Z. 69.
24. КОТИК Е. Ук. соч., с. 134.
25. ФЛИСФИШ Э. Кантонисты. Тель-Авив. Б.г., с. 235 - 236.
26. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 109, 1-я эксп., 1829 г., д. 335, л. 1 - 2.
27. МОРГУЛИС М. Мои воспоминания. - Восход, 1895, N 7, с. 152.
28. КОТИК Е. Ук. соч., с. 136.
29. STANISLAWASKI M. Op. cit., p. 25, 194, fn. 52; с. 193, fn. 19.
30. ГИНЗБУРГ С. Мученики-дети. В кн.: Евреи в Российской империи XVIII-XIX вв. М. - Иерусалим. 1995, с. 425.
31. GOTLOBER A. Zikhronot mi-yemei neurai (Воспоминания о моей юности). In: Zikhronot u-masaot. Иерусалим. 1976, с. 157 - 159.
32. STANISLAWSKI M. Op. cit., p. 32.
33. Цит. по: ПИНЕС Д. Борьба с хаперами. - ЕС, 1915, т. 8, с. 398.
34. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., 1828 г., д. 335, л. 1 - 7. Записка "О евреях, отрезающих себе пальцы во избежание военной службы".
35. GINSBURG Sh. Historische verk. B. 1, Z. 267 - 268.
36. STANISLAWSKI M. Op. cit., p. 136.
37. ПИНЕС Д. Ук. соч., с. 386.
38. ПЕТРОВСКИЙ-ШТЕРН Й. Ук. соч., с. 10.
39. ИЦКОВИЧ И. Ук. соч., с. 54 - 65.